

РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
об утверждении Обзора практики Конституционного Суда
Российской Федерации за четвертый квартал 2017 года

город Санкт-Петербург

13 февраля 2018 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева, заслушав информацию Председателя Конституционного Суда Российской Федерации о подготовленном Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации Обзоре практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2017 года,

РЕШИЛ:

1. Утвердить Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2017 года.
2. Разместить Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2017 года на официальном сайте Конституционного Суда Российской Федерации.
3. Опубликовать Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2017 года в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

ОБЗОР

практики Конституционного Суда Российской Федерации
за четвертый квартал 2017 года

Настоящий обзор посвящен наиболее важным решениям, принятым Конституционным Судом Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) в четвертом квартале 2017 года (постановления, определения по жалобам и запросам).

I

Конституционные основы публичного права

1. Постановлением от 26 октября 2017 года № 25-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Оспоренная норма являлась предметом рассмотрения постольку, поскольку понимается в правоприменительной практике как позволяющая считать лицо, оказывающее услуги электронной почты, обладателем информации, которая содержится в электронных сообщениях, получаемых или отправляемых пользователями этих услуг через принадлежащий данному лицу интернет-сервис, что служит основанием для оценки действий гражданина, осуществившего передачу информации с адреса электронной почты, контролируемой лицом, которому на законных основаниях принадлежит данная информация, на свой (личный) адрес электронной почты, как нарушение им установленного правовыми (в том числе локальными) актами и (или) договорами запрета на такую передачу и, соответственно, для определения правовых последствий этих действий.

Оспоренное положение было признано не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно:

не может рассматриваться как наделяющее правообладателя интернет-сервиса, с помощью которого осуществляются передача электронных сообщений и хранение информации, статусом обладателя информации в отношении сведений, содержащихся в сообщениях, получаемых или отправляемых пользователями по электронной почте, или в отношении информации, которую пользователи хранят с помощью данного интернет-сервиса;

позволяет рассматривать как нарушение прав и законных интересов обладателя информации действия гражданина, осуществившего – вопреки установленному правовыми, в том числе локальными, актами (с которыми гражданин был ознакомлен) и (или) договорами запрету – передачу информации с адреса электронной почты, контролируемой обладателем информации, на свой (личный) адрес электронной почты, если обладатель информации принял все необходимые меры, исключая несанкционированный доступ к этой информации третьих лиц.

2. Постановлением от 10 ноября 2017 года № 27-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений пункта 6 статьи 1, пункта 3 статьи 2, пункта 3 статьи 3 и пунктов 1 и 3 статьи 4 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения как предусматривающие – в рамках специального правового регулирования порядка проведения встреч депутатов с избирателями в целях их информирования о своей деятельности – распространение на проведение таких встреч в форме публичного мероприятия (вне помещений, специально отведенных мест и внутридворовых территорий) требований законодательства Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях, а также как определяющие порядок и условия проведения встреч депутатов с избирателями вне связи с применением соответствующих требований.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они предполагают:

обязанность органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (органов местного самоуправления) способствовать проведению встреч депутата с избирателями в целях их информирования о своей деятельности и выражения избирателями пожеланий депутату относительно осуществления его деятельности и деятельности представительного органа, в состав которого он входит, в том числе обеспечивать определение специально отведенных мест для проведения встреч депутатов с избирателями и перечня помещений, предоставляемых для проведения встреч депутатов с избирателями, исходя из необходимости наличия соответствующего специально отведенного места или помещения как минимум в каждом поселении;

возможность проведения встреч депутата с избирателями в форме публичного мероприятия (собрания, митинга) на основе соблюдения требований, предъявляемых к проведению таких встреч Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», при условии соответствия избранной формы целевому назначению встречи депутата с избирателями;

отсутствие при этом неблагоприятных для депутата и иных участников его встречи с избирателями правовых последствий самого по себе проведения такой встречи в пределах сельского или городского поселения без соблюдения предусмотренного названным Федеральным законом уведомительного порядка, если судом установлено уклонение органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации (органа местного самоуправления) от определения в этом сельском или городском поселении специально отведенных мест для проведения встреч депутатов с избирателями и перечня помещений, предоставляемых для проведения встреч депутатов с избирателями, в течение разумного срока после вступления Федерального закона от 7 июня 2017 года № 107-ФЗ в силу,

притом что в застройке соответствующего поселения отсутствуют внутридворовые территории;

распространение требований законодательства Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях на проведение депутатами коллективных встреч с избирателями на внутридворовых территориях, если по своему характеру и содержанию эти встречи выходят за рамки информирования депутатом избирателей о своей деятельности и выражения пожеланий депутату в отношении его деятельности и деятельности представительного органа, в состав которого он входит, и предполагают выражение общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политической направленности;

недопустимость отказа в согласовании органом публичной власти по своему усмотрению проведения встречи депутата с избирателями в форме публичного мероприятия, о проведении которого требуется уведомление, и необходимость – как обязательная альтернатива несогласованию – предложить изменить место и (или) время проведения соответствующей встречи, притом что такое предложение должно быть мотивированным и вызываться необходимостью сохранения нормального и бесперебойного функционирования жизненно важных объектов коммунальной или транспортной инфраструктуры либо необходимостью поддержания общественного порядка, обеспечения безопасности граждан, иными подобными причинами;

отсутствие неблагоприятных правовых последствий проведения незапланированной встречи депутата с избирателями вне помещений, специально отведенных мест или внутридворовых территорий, если такая встреча обусловлена инициативой (фактическими действиями) самих избирателей, притом что депутат во всяком случае обязан незамедлительно прекратить соответствующую встречу в случае, если она создает угрозу сохранения нормального и бесперебойного функционирования жизненно важных объектов коммунальной и транспортной инфраструктуры, обеспечения безопасности граждан либо иные подобные угрозы.

3. Постановлением от 28 ноября 2017 года № 34-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 8 статьи 75, подпункта 3 пункта 1 статьи 111 и подпункта 23 пункта 2 статьи 149 Налогового кодекса Российской Федерации.

Положения подпункта 23 пункта 2 статьи 149 Налогового кодекса Российской Федерации являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании решается вопрос о возможности освобождения от обложения налогом на добавленную стоимость оказываемых налогоплательщиком услуг буксиров по установке (снятию) бонового ограждения судов в период стоянки в портах, а оспоренные положения пункта 8 статьи 75 и подпункта 3 пункта 1 статьи 111 данного Кодекса – как

допускающие возможность начисления пени и привлечения к налоговой ответственности плательщика налога на добавленную стоимость при наличии письменных разъяснений других (помимо уполномоченных финансовых и налоговых) органов государственной власти по отдельным вопросам отраслевого законодательства, не относящегося к законодательству о налогах и сборах, однако связанного с его применением.

Конституционный Суд признал оспоренные положения подпункта 23 пункта 2 статьи 149 Налогового кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не предполагают обложение налогом на добавленную стоимость оказанных услуг буксиров по установке (снятию) бонового ограждения судов, а также начисление пени и штрафов по данному налогу за периоды, предшествовавшие изменению толкования данной нормы судами применительно к указанному виду деятельности (с учетом действия налогового периода по налогу на добавленную стоимость и порядка изменения налогового регулирования, ухудшающего положение налогоплательщиков), когда в силу существовавшей ранее устойчивой правоприменительной практики, благоприятной для налогоплательщиков, такая деятельность относилась к услугам по обслуживанию морских судов в период стоянки в портах и освобождалась от уплаты данного налога.

Спорные нормы пункта 8 статьи 75 и подпункта 3 пункта 1 статьи 111 Налогового кодекса Российской Федерации также были признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не предполагают уклонение от дачи по запросам налогоплательщиков письменных разъяснений по вопросам применения законодательства о налогах и сборах органов государственной власти, уполномоченных на дачу таких разъяснений, и исходят из необходимости обращения самих уполномоченных органов в иные государственные органы за получением дополнительных сведений по отдельным вопросам осуществления хозяйствования в тех или иных отраслях экономики, если эти сведения могут повлиять на исчисление размера налоговых обязательств налогоплательщиков.

4. Постановлением от 4 декабря 2017 года № 35-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 1³ статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Спорная норма являлась предметом рассмотрения в той мере, в какой на ее основании решается вопрос о возможности восстановления установленного двадцатидневного срока для уплаты административного штрафа, назначенного в порядке, предусмотренном частью 3 статьи 28.6 данного Кодекса, в размере половины суммы наложенного административного штрафа (далее – установленный срок), в случае, когда постановление о назначении административного штрафа, направленное

привлеченному к административной ответственности лицу заказным почтовым отправлением, поступило в его адрес после истечения двадцати дней со дня вынесения (далее – указанный случай).

Конституционный Суд признал оспоренное положение не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой им исключается возможность восстановления установленного срока в указанном случае.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений правоприменители, в том числе суды, не вправе уклоняться от рассмотрения вопроса о возможности восстановления установленного срока по ходатайству привлеченного к административной ответственности лица в указанном случае.

5. В Определении от 7 декабря 2017 года № 2793-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 3 статьи 17 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и части 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Оспоренные положения предусматривают, что литература, печатные, аудио- и видеоматериалы (далее – материалы), выпускаемые религиозной организацией, а также распространяемые в рамках осуществления от ее имени миссионерской деятельности, должны иметь маркировку с официальным полным наименованием данной религиозной организации, а также устанавливают административную ответственность за нарушение данного требования.

Конституционный Суд указал, что понятие «маркировка», используемое в статье 17 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», означает исключительно нанесение в произвольной форме (в печатном, рукописном или ином виде) полного официального наименования данной организации на любые материалы – как выпускаемые ею, так и выпущенные иными организациями, но используемые ею при осуществлении своей миссионерской деятельности. В тех случаях, когда материалы распространяются религиозной организацией в рамках миссионерской деятельности, но созданы (выпущены) иной религиозной организацией, требуется наличие двух маркировок: той религиозной организации, которая непосредственно издала (произвела) материалы, и той, которая приобрела их для использования в своей миссионерской деятельности.

Вследствие этого маркировке подлежат те материалы, которые выпускаются религиозной организацией, а также те, которые не были ею выпущены, но распространяются в рамках осуществления от ее имени миссионерской деятельности вне мест, специально предназначенных для осуществления религиозной деятельности.

6. В определениях от 9 ноября 2017 года № 2511-О и № 2512-О Конституционный Суд выявил смысл положений абзаца второго пункта 9 статьи 16 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», в соответствии с которым органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе устанавливать дополнительные ограничения времени, условий и мест розничной продажи алкогольной продукции, за исключением розничной продажи алкогольной продукции при оказании услуг общественного питания, в том числе ее полный запрет, за исключением розничной продажи алкогольной продукции при оказании услуг общественного питания.

Конституционный Суд указал, что установление запрета на оборот (за исключением закупки, поставок, хранения и (или) перевозок в целях вывоза за пределы территории Российской Федерации (экспорта) алкогольной продукции с содержанием этилового спирта менее 15 процентов объема готовой продукции, содержащей тонизирующие вещества (компоненты), означает, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации не обладают полномочием по установлению указанного запрета на своей территории, в том числе в части полного запрета на розничную продажу слабоалкогольных тонизирующих напитков.

7. В Определении от 9 ноября 2017 года № 2516-О Конституционный Суд выявил смысл положений пунктов 4 и 5 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Оспоренные положения относят часть вопросов в сфере электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжения населения топливом, а также отдельные вопросы в сфере дорожной деятельности к перечню вопросов местного значения городских округов с возложением на них соответствующих расходов, в том числе применительно к земельным участкам, предоставленным гражданам на основании актов, вынесенных органами государственной власти субъекта Российской Федерации в рамках осуществления ими полномочий по предоставлению мер социальной поддержки.

Конституционный Суд подтвердил актуальность ранее сформулированной правовой позиции, согласно которой недостаточность собственных доходных источников на уровне муниципальных образований влечет обязанность органов государственной власти осуществлять в целях сбалансированности местных бюджетов надлежащее бюджетное регулирование. Это касается и решения вопросов, связанных с объективной невозможностью органов местного самоуправления за счет собственных финансовых средств обеспечить в полной мере соблюдение требований, предъявляемых к наличию объектов необходимой инфраструктуры на

земельных участках, передаваемых в собственность гражданам бесплатно в качестве меры социальной поддержки семей, имеющих детей, в случаях, установленных субъектом Российской Федерации. При этом конкретные формы финансового покрытия таких расходов в рамках межбюджетных отношений и установление соответствующего механизма определяются в законодательном порядке, а для разрешения возможных разногласий могут быть использованы судебные процедуры.

II

Конституционные основы трудового законодательства и социальной защиты

8. Постановлением от 22 ноября 2017 года № 31-П Конституционный Суд дал оценку конституционности частей 1, 5 статьи 33 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» и подпункта «б» пункта 4 Указа Президента Российской Федерации «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании решаются вопросы, связанные с принятием на службу в органы внутренних дел сотрудников органов наркоконтроля, уволенных в рамках мероприятий по упразднению Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) по такому основанию, как перевод в другой государственный орган, и изъявивших желание продолжить службу в органах внутренних дел.

Спорные нормы были признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они:

не предполагают отказ сотрудникам органов наркоконтроля, которые при упразднении ФСКН изъявили желание продолжить службу в органах внутренних дел и были уволены в связи с переводом в другой государственный орган, в приеме на службу в органы внутренних дел в упрощенном порядке – без испытательного срока, переаттестации, прохождения военно-врачебной экспертизы и профессионального психологического отбора – в течение трех месяцев с момента увольнения при отсутствии у них другой работы (службы) в указанный период и при условии, что в отношении этих лиц не было установлено предусмотренных законом обстоятельств, исключающих возможность их поступления на службу в органы внутренних дел;

не препятствуют поступлению данных лиц на службу в органы внутренних дел в упрощенном порядке и по истечении трех месяцев с момента их увольнения из органов наркоконтроля при условии, что такие лица своевременно (т.е. не позднее трех месяцев со дня увольнения) направили в соответствующий орган внутренних дел заявление с просьбой о поступлении на службу;

не лишают сотрудников органов наркоконтроля, уволенных в связи с переводом в другой государственный орган и не принятых на службу в органы внутренних дел, права на изменение основания увольнения и получение единовременного пособия и иных выплат, предусмотренных законодательством Российской Федерации, по заявлению, поданному в ликвидационную комиссию ФСКН или соответствующую ликвидационную комиссию ее территориального органа в случаях, когда решение об отказе в приеме на службу в органы внутренних дел было принято по истечении трех месяцев со дня увольнения.

9. Постановлением от 27 ноября 2017 года № 33-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 1 статьи 1 и части второй статьи 3 Федерального закона «Об особенностях пенсионного обеспечения отдельных категорий граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании решается вопрос о возможности сохранения более высокого размера пенсии, назначенной в соответствии с законодательством, действовавшим на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя до 1 января 2015 года, гражданину, постоянно проживавшему на соответствующей территории по состоянию на 18 марта 2014 года, в связи с увольнением его со службы из органов Государственной пенитенциарной службы Украины, если после назначения пенсии он был принят на службу в учреждения или органы уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя и до 1 января 2015 года уволен со службы с правом на пенсию.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не предполагают лишения граждан Российской Федерации, которые до поступления на службу в учреждения или органы Федеральной службы исполнения наказаний на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя были уволены со службы из органов Государственной пенитенциарной службы Украины и в течение переходного периода реализовали право на получение пенсии в соответствии с законодательством, действовавшим на указанных территориях до 1 января 2015 года, права выбора наиболее предпочтительного варианта пенсионного

обеспечения и, следовательно, права на получение пенсии при увольнении со службы в том же размере, в каком он был им установлен в связи с увольнением из органов Государственной пенитенциарной службы Украины в соответствии с законодательством, действовавшим на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя до 1 января 2015 года, с учетом ежемесячной выплаты к ней, установленной Указом Президента Российской Федерации «О мерах государственной поддержки граждан, являющихся получателями пенсий на территориях Республики Крым и города Севастополя».

10. Постановлением от 5 декабря 2017 года № 36-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 1 части 2 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях».

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения в той его части, в какой оно связывает право детей умершего кормильца, обучающихся по очной форме обучения в иностранных образовательных организациях, расположенных за пределами территории Российской Федерации, на получение пенсии по случаю потери кормильца с фактом направления таких лиц на обучение в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Конституционный Суд признал спорную норму не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она служит основанием для отказа в назначении страховой пенсии по случаю потери кормильца его детям, самостоятельно (без направления на учебу в соответствии с международным договором Российской Федерации) поступившим в иностранные образовательные организации и обучающимся в них по очной форме обучения по образовательным программам, которые могут быть отнесены к категории основных, на период до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет.

11. Постановлением от 7 декабря 2017 года № 38-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвертой и одиннадцатой статьи 133¹ Трудового кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании решается вопрос об оплате труда работников, осуществляющих трудовую деятельность в местностях с особыми климатическими условиями, в том числе в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в размере, не превышающем минимального размера оплаты труда (минимальной заработной платы в субъекте Российской Федерации).

Спорные нормы были признаны Конституционным Судом не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не

предполагают включения в состав минимального размера оплаты труда (минимальной заработной платы в субъекте Российской Федерации) районных коэффициентов (коэффициентов) и процентных надбавок, начисляемых в связи с работой в указанных местностях.

12. Постановлением от 13 декабря 2017 года № 40-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 6 части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (далее – данный Закон).

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой на его основании решается вопрос об отнесении к гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы, на которых распространяется действие данного Закона, граждан из числа детей, находившихся в состоянии внутриутробного развития на момент переселения из зоны отселения.

Спорная норма была признана Конституционным Судом не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку она не предполагает возможности лишения граждан из числа детей, находившихся в состоянии внутриутробного развития на момент выезда их матерей из населенных пунктов зоны отселения, откуда население подлежало обязательному переселению, в период до завершения такого переселения, статуса лиц, пострадавших вследствие чернобыльской катастрофы, если он раньше был им предоставлен, и, соответственно, права на возмещение вреда и меры социальной поддержки, установленные данным Законом.

III

Конституционные основы частного права

13. Постановлением от 6 октября 2017 года № 23-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании решается вопрос о возможности уменьшения неустойки, подлежащей уплате при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не препятствуют суду при наличии заслуживающих внимания обстоятельств уменьшить неустойку при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, если подлежащая уплате

неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства по уплате алиментов.

14. Постановлением от 17 октября 2017 года № 24-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения постольку, поскольку на его основании суд первой инстанции решает вопрос о пересмотре вынесенного им по конкретному делу судебного постановления, вступившего в законную силу, в связи с новыми обстоятельствами, признавая в качестве таковых определение (изменение) практики применения правовой нормы, выраженное в определении судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, которое вынесено по результатам рассмотрения другого дела в кассационном порядке.

Конституционный Суд признал оспоренное положение не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно не предполагает возможности отмены вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам в связи с определением (изменением) практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в определении судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, вынесенном по итогам рассмотрения другого дела в кассационном порядке.

15. Постановлением от 7 ноября 2017 года № 26-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений абзаца первой части 2 статьи 2, абзаца третьего части 1 и части 3 статьи 2-1 Закона Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку служат основанием для разрешения вопроса о возможности включения объектов недвижимого имущества, принадлежащего физическим и юридическим лицам на праве частной собственности, возникшем до вступления в силу Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя», в утвержденный постановлением Государственного Совета Республики Крым «О вопросах управления собственностью Республики Крым» Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они:

не предполагают включение в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, объектов недвижимого имущества, принадлежащих физическим и юридическим лицам на праве частной собственности, возникшем до вступления в силу названного Федерального конституционного закона на законных основаниях, и, соответственно, не предполагают произвольного прекращения права частной собственности на такое имущество;

не могут служить основанием для отказа физическим или юридическим лицам в удовлетворении их требований, связанных с включением объектов недвижимого имущества в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, лишь вследствие самого по себе факта такого включения, без установления в надлежащей судебной процедуре отсутствия необходимых правовых оснований приобретения соответствующего имущества.

Суд, рассматривая в конкретном деле вопрос о правомерности включения спорных объектов недвижимого имущества в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, обязан, не ограничиваясь установлением одних лишь формальных условий применения нормы, исследовать по существу фактические обстоятельства данного дела, учитывая при этом имевшую место до принятия в Российскую Федерацию Республики Крым структурную перестройку экономики Украины и преобразование отношений собственности, включая оценку оснований возникновения права собственности на спорное имущество, и предоставляя тем самым конституционные гарантии права собственности в отношении того имущества, которое принадлежит субъектам права собственности на законных основаниях.

16. Постановлением от 16 ноября 2017 года № 29-П Конституционный Суд дал оценку конституционности абзаца первого пункта 2 статьи 15¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения постольку, поскольку оно связывает право военнослужащих – преподавателей государственных образовательных организаций высшего образования на дополнительную общую площадь жилого помещения с замещением ими должности исключительно на военной кафедре.

Спорная норма признана Конституционным Судом не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой, связывая право военнослужащих – преподавателей, направляемых в установленном порядке без приостановления им военной службы в государственные образовательные организации высшего образования для обеспечения реализации программ военной подготовки граждан Российской Федерации, обучающихся в указанных образовательных организациях по очной форме обучения, на дополнительную общую площадь жилого помещения с замещением должности преподавательского состава

исключительно на военной кафедре, указанная норма лишает данного права военнослужащих – преподавателей учебных военных центров и ставит их тем самым в неравное положение с относящимися к той же категории военнослужащими – преподавателями военных кафедр.

17. Постановлением от 6 декабря 2017 года № 37-П Конституционный Суд дал оценку конституционности абзаца тринадцатого статьи 12 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 2 статьи 13 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании арбитражный суд при рассмотрении гражданского дела разрешает вопрос о проверке нормативного правового акта, включая утративший юридическую силу, на соответствие иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, и о его применении, в том числе если о противоречии между этими актами заявляет лицо, участвующее в деле.

Конституционный Суд признал спорные законоположения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они предполагают обязанность арбитражного суда, рассматривающего гражданское дело, проверить нормативный правовой акт, подлежащий применению в данном гражданском деле (включая утративший юридическую силу), на соответствие иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, и в случае установления такого противоречия – вынести решение в соответствии с нормативным правовым актом, имеющим большую юридическую силу.

18. Постановлением от 8 декабря 2017 года № 39-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений статьи 15, пункта 1 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку они служат нормативным основанием для решения вопроса о взыскании по искам прокуроров и налоговых органов с физических лиц, которые были осуждены за совершение налоговых преступлений, связанных с неуплатой налогов организацией, или в отношении которых уголовное преследование в связи с совершением таких преступлений было прекращено по нереабилитирующим основаниям, денежных сумм в счет возмещения вреда, причиненного бюджетам публично-правовых образований.

Конституционный Суд признал спорные нормы не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они:

предполагают возможность взыскания по искам прокуроров и налоговых органов о возмещении вреда, причиненного публично-правовым

образованиям, денежных сумм в размере не поступивших в соответствующий бюджет от организации-налогоплательщика налоговых недоимок и пеней с физических лиц, которые были осуждены за совершение налоговых преступлений, вызвавших эти недоимки, или уголовное преследование которых в связи с совершением таких преступлений было прекращено по нереабилитирующим основаниям, при установлении всех элементов состава гражданского правонарушения, притом что сам факт вынесения обвинительного приговора или прекращения уголовного дела не может расцениваться судом как безусловно подтверждающий их виновность в причинении имущественного вреда;

не могут использоваться для взыскания с указанных физических лиц штрафов за налоговые правонарушения, наложенных на организацию-налогоплательщика;

не допускают, по общему правилу, взыскание вреда, причиненного бюджетам публично-правовых образований, в размере подлежащих зачислению в соответствующий бюджет налогов и пеней с физических лиц, обвиняемых в совершении налоговых преступлений, до внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о прекращении организации-налогоплательщика либо до того, как судом будет установлено, что данная организация является фактически недействующей и (или) что взыскание с нее либо с лиц, привлекаемых к ответственности по ее долгам, налоговой недоимки и пеней на основании норм налогового и гражданского законодательства невозможно (кроме случаев, когда судом установлено, что организация-налогоплательщик служит лишь «прикрытием» для действий контролирующего ее физического лица);

предполагают правомочие суда при определении размера возмещения вреда, причиненного бюджету публично-правового образования физическим лицом, учитывать его имущественное положение (в частности, факт обогащения в результате совершения налогового преступления), степень вины, характер уголовного наказания, а также иные существенные обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного дела.

19. В Определении от 7 декабря 2017 года № 2794-О Конституционный Суд выявил смысл положений пунктов 3 и 4 части 1 статьи 9 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих», а также отдельных положений Правил формирования и ведения реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих Министерством обороны Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти и федеральными государственными органами, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба применительно к случаю выявления факта ошибочного включения в реестр участников накопительно-ипотечной системы.

Конституционный Суд указал, что в случае, если лицо было ошибочно включено в реестр участников накопительно-ипотечной системы, аннулирование записи о нем в реестре и закрытие специального накопительного счета допускаются только до момента получения таким лицом соответствующих денежных средств.

20. В Определении от 7 декабря 2017 года № 2795-О Конституционный Суд выявил смысл положений статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, устанавливающей, что обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами.

Конституционный Суд указал, что оспоренная норма не наделяет суды полномочиями, порождающими возможность их произвольного усмотрения при решении вопроса о допустимости доказательств, и не препятствует участникам гражданского процесса прибегать к любым средствам доказывания, включая показания свидетелей, при установлении в порядке особого производства факта участия в боевых действиях.

IV

Конституционные основы уголовной юстиции

21. Постановлением от 14 ноября 2017 года № 28-П Конституционный Суд дал оценку конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Предметом рассмотрения являлись:

часть пятая статьи 135 и часть шестая статьи 399 УПК Российской Федерации – как устанавливающие право прокурора участвовать в судебном рассмотрении и разрешении требования реабилитированного о возмещении имущественного вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием;

пункт 3 части второй статьи 133 и часть первая статьи 214 УПК Российской Федерации – постольку, поскольку они позволяют прекращать судебное рассмотрение требования реабилитированного лица о возмещении причиненного ему в результате уголовного преследования вреда в случае, когда прокурор отменяет выступающее юридическим основанием для возникновения права на реабилитацию решение о прекращении уголовного преследования этого лица;

часть первая статьи 136 УПК Российской Федерации – применительно к возможности определить в системе прокуратуры конкретного прокурора, обязанного принести от имени государства официальное извинение реабилитированному за вред, причиненный ему незаконным или необоснованным уголовным преследованием;

часть пятая статьи 135 во взаимосвязи со статьей 138, пунктом 1 статьи 397 и пунктом 1 части первой статьи 399 УПК Российской Федерации – как допускающие отмену вынесенного в порядке гражданского судопроизводства судебного решения, которым удовлетворено требование реабилитированного о возмещении имущественного вреда;

статья 63, часть пятая статьи 135, статьи 137 и 399 УПК Российской Федерации, на основании которых решается вопрос о возможности участия в рассмотрении требования реабилитированного тех судей, которые ранее принимали процессуальные решения в отношении этого лица при рассмотрении его уголовного дела, а также вопрос о возможности повторного участия судьи в рассмотрении требования реабилитированного в случае возвращения вышестоящим судом этого требования на новое судебное рассмотрение.

Конституционный Суд признал оспоренные положения части пятой статьи 135 и части шестой статьи 399 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку, допуская участие прокурора в судебном заседании при рассмотрении требования реабилитированного лица о возмещении имущественного вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием, они предполагают, что прокурор не выступает в этой процедуре в качестве процессуального оппонента (противника) реабилитированного, а обеспечивает доведение до суда необходимых для решения вопроса о возмещении такого вреда сведений.

Конституционный Суд признал спорную норму части первой статьи 214 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с пунктом 3 части второй статьи 133 УПК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она позволяет прокурору в течение неопределенного срока отменять вынесенное по реабилитирующим основаниям постановление о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования без предоставления лицу, в отношении которого оно вынесено, эффективных гарантий защиты, включая судебную, от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования.

Часть первая статьи 136 УПК Российской Федерации была признана не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку предполагает, что:

обязанность от имени государства принести официальное извинение лицу, в отношении которого вынесено постановление о прекращении по реабилитирующему основанию уголовного дела либо уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства, за причиненный ему вред лежит на прокуроре города или района, иной территориальной, военной или специализированной прокуратуры, непосредственно осуществляющем надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, если иное не установлено для конкретного случая вышестоящим прокурором;

неисполнение или ненадлежащее исполнение прокурором обязанности принести официальное извинение реабилитированному лицу могут быть обжалованы в судебном порядке.

Нормативные положения части пятой статьи 135 УПК Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 138, пунктом 1 статьи 397 и пунктом 1 части первой статьи 399 УПК Российской Федерации были признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку предполагается, что само по себе их несоблюдение в части рассмотрения судом требования реабилитированного о возмещении причиненного ему в связи с уголовным преследованием имущественного вреда в порядке уголовного судопроизводства не может служить основанием для отмены вынесенного в порядке гражданского судопроизводства судебного решения, которым данное требование реабилитированного было удовлетворено.

Оспоренные положения статьи 63, части пятой статьи 135, статей 137 и 399 УПК Российской Федерации также были признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации как предполагающие, что:

в случае возвращения вышестоящим судом требования реабилитированного лица о возмещении причиненного в связи с уголовным преследованием вреда на новое судебное рассмотрение судья, выразивший ранее, при рассмотрении уголовного дела этого лица, позицию об обоснованности подозрения, обвинения и об отсутствии тем самым оснований для реабилитации, не должен участвовать в рассмотрении данного требования;

не должен участвовать в рассмотрении требования реабилитированного лица о возмещении причиненного в связи с уголовным преследованием вреда судья, который ранее дал юридическую оценку данному требованию, вновь ставшему предметом судебного разбирательства.

Конституционный Суд указал, что впредь до внесения в УПК Российской Федерации соответствующих изменений отмена или изменение в обычном порядке постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования по основаниям, влекущим ухудшение положения реабилитированного лица, допускается в срок, не превышающий одного года со дня его вынесения. По прошествии года такое постановление может быть отменено только судом по заявлению прокурора по правилам статьи 165 УПК Российской Федерации или потерпевшего – по правилам статьи 125 УПК Российской Федерации с обязательным предоставлением лицу, уголовное преследование которого было прекращено, и (или) его представителю возможности участия в судебном заседании.

22. Постановлением от 21 ноября 2017 года № 30-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании решается вопрос о судебной проверке действий

(бездействия) следователя, связанных с определением процессуального статуса лица, которое, будучи освобождено из-под стражи после задержания по подозрению в совершении преступления на основании статей 91 и 92 УПК Российской Федерации, допрашивается в качестве свидетеля о тех же событиях и по тому же уголовному делу без вынесения процессуального решения о прекращении его уголовного преследования.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они предполагают полномочие суда при рассмотрении жалобы указанного лица на бездействие следователя, выразившееся в непринятии решения о процессуальном статусе этого лица, – разрешить, в том числе в целях признания за ним права на реабилитацию и восстановления законности, вопрос о необходимости принятия следователем такого решения.

23. Постановлением от 23 ноября 2017 года № 32-П Конституционный Суд дал оценку конституционности статей 21 и 21¹ Закона Российской Федерации «О государственной тайне».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку они применяются для разрешения вопроса об ознакомлении лица, не имеющего допуска к государственной тайне и защищающего свои права и свободы без участия адвоката, с затрагивающими эти права и свободы решением об отказе в возбуждении уголовного дела и материалами процессуальной проверки, послужившими основанием для его вынесения, если данное решение и материалы содержат сведения в области оперативно-розыскной деятельности, составляющие государственную тайну.

Конституционный Суд признал спорные нормы не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они предполагают, что:

использование уполномоченными должностными лицами (органами) для решения вопроса о возбуждении уголовного дела относящихся к государственной тайне результатов оперативно-розыскной деятельности не может служить препятствием для ознакомления лица, чьи права и свободы непосредственно затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела (поскольку в случае возбуждения уголовного дела оно было бы признано потерпевшим или в случае завершения возбужденного уголовного дела обвинительным приговором возникли бы основания для пересмотра ранее вынесенного в его отношении судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам), с этим постановлением и дающими основание для его вынесения материалами, содержащими сведения о фактических обстоятельствах, свидетельствующих об отсутствии или наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления;

в случае приобщения к материалам проверки сообщения о преступлении документов и материалов, содержащих сведения в области оперативно-розыскной деятельности, имеющие гриф секретности,

сохранность государственной тайны при ознакомлении лица, чьи права и свободы непосредственно затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, с материалами такой проверки и решением, принятым по ее результатам, может быть обеспечена путем использования предусмотренных законом механизмов, включая предупреждение о неразглашении государственной тайны, ставшей известной лицу в связи с ознакомлением с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела и положенными в его основу материалами проверки сообщения о преступлении, предупреждение о привлечении к уголовной ответственности в случае разглашения государственной тайны, а также хранение копий и выписок из процессуальных документов вместе с материалами указанной проверки;

уполномоченные должностные лица обязаны предпринимать все относящиеся к их компетенции меры, с тем чтобы в материалах проверки сообщения о преступлении содержались лишь те сведения, которые необходимы для принятия соответствующего процессуального решения, и тем самым исключались бы коллизии между требованиями защиты государственной тайны и гарантиями права лица на ознакомление с непосредственно затрагивающими его права и свободы документами и материалами, дающими основание для вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

24. В Определении от 10 октября 2017 года № 2252-О Конституционный Суд выявил смысл положений части второй¹ статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям в определенных законом случаях решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами.

Конституционный Суд указал, что суды при оценке доказательств по уголовному делу, в том числе оглашенных показаний не явившихся свидетеля или потерпевшего, должны учитывать все обстоятельства, связанные с причинами их неявки и с их участием в предшествующих судебному разбирательству стадиях уголовного судопроизводства, а также с наличием либо отсутствием у подозреваемого, обвиняемого или его защитника возможности, узнав о содержании показаний, данных свидетелем или потерпевшим, оспорить (поставить под сомнение) эти показания в предусмотренном уголовно-процессуальном законом порядке, заявив соответствующие ходатайства.

25. В Определении от 7 декабря 2017 года № 2800-О Конституционный Суд выявил смысл положений части четвертой статьи 37, части седьмой статьи 246 и части первой статьи 389¹³ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся отмены обвинительного приговора и прекращения уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей части в случае отказа прокурора (государственного обвинителя) от осуществления уголовного преследования (поддержания обвинения), сделанного путем внесения апелляционного представления и (или) высказывания своей позиции при рассмотрении уголовного дела судом второй инстанции.

Конституционный Суд указал, что позиция прокурора в апелляционной инстанции об отмене приговора и оправдании лица за отсутствием состава преступления не является для суда обязательной и не влечет таких же последствий, как отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции. Для случаев, когда суд апелляционной инстанции придет к выводу об ошибочности позиции прокурора и установит, что вынесенный приговор является законным, обоснованным и справедливым, он правомочен отказать в удовлетворении апелляционного представления прокурора, что, в свою очередь, влечет вступление решения суда первой инстанции в законную силу.